МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт экономики и управления	Кафедра «Социология, экономическая теория и международные процессы»
Направление подготовки	41.03.05 «Международные отношения»
Профиль	Мировая политика и международный бизнес

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему

Роль Японии в современной системе международных отношений

Студент	_____ подпись, дата	Захаров Илья Александрович
Руководитель	_____ подпись, дата	Рожкова Л. В.
Нормоконтролер	_____ подпись, дата	Влазнева С. А.

Работа допущена к защите (протокол заседания кафедры от _____ №_____)

Заведующий кафедрой	_____ подпись, дата	Рожкова Л. В.

Работа защищена с отметкой _____ (протокол ГЭК от _____ №____)

Секретарь ГЭК	_____ подпись, дата	Рассказова Н. В.

Пенза 2026

ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
Институт экономики и управления
Кафедра «Социология, экономическая теория и международные процессы»
Направление подготовки 41.03.05 «Международные отношения», профиль «Мировая политика и международный бизнес»

«УТВЕРЖДАЮ»:
Зав. кафедрой
д.с.н., профессор Рожкова Л. В.
_____
«_____»_____20___г.

ЗАДАНИЕ

НА БАКАЛАВРСКУЮ РАБОТУ

студенту Захарову И. А., группа 22ЭА1, обучение очное

1 Тема бакалаврской работы: Роль Японии в современной системе международных отношений

утверждена приказом по университету

от «___»_____20__г . №_____

2 Срок сдачи студентом законченной бакалаврской работы: 8.06.2026.

3 Исходные данные к бакалаврской работе: нормативно-правовая база, научная и справочная литература, данные сети Интернет.

4 Перечень подлежащих разработке вопросов: становление и развитие внешней политики Японии; роль Японии в современной системе международных отношений; особенности международного сотрудничества Японии на современном этапе.

5 Перечень графического материала: таблицы, рисунки.

6 Дата выдачи задания: 25.10.2025.

График подготовки бакалаврской работы

№ п/п	Содержание работы	Срок выполнения	Дата выполнения, подпись руководителя
1	Составление плана ВКР	25.10.2025 – 10.11.2025	
2	Изучение исходных данных к бакалаврской работе	11.11.2025 – 25.12.2025	
3	Написание Главы 1	26.12.2025– 26.02.2026	
4	Написание Главы 2	27.02.2026 – 29.04.2026	
5	Написание введения и заключения	30.04.2026 – 11.05.2026	
6	Оформление ВКР	12.05.2026 – 24.05.2026	
7	Сдача ВКР нормоконтролю, проверка в системе «антиплагиат.вуз»	25.05.2026 – 5.06.2026	
8	Ознакомление с отзывом руководителя	6.06.2026	
9	Представление законченной бакалаврской работы, передача в ГЭК	8.06.2026	

Руководитель _____/ Л. В. Рожкова /
(подпись) (инициалы, фамилия)

Задание принял к исполнению студент _____/ И. А. Захаров /
(подпись) (инициалы, фамилия)

Реферат

Бакалаврская работа 53 с., 2 гл., 2 рис., 5 табл., 42 источника.

ЯПОНИЯ, ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА, ИНДО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН, ПРОАКТИВНЫЙ ПАЦИФИЗМ, ЯПОНО-АМЕРИКАНСКИЙ АЛЬЯНС, ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ, МЯГКАЯ СИЛА, СТРАТЕГИЧЕСКАЯ АВТОНОМИЯ, ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Объект исследования – Япония.

Цель работы состоит в выявлении ключевых механизмов трансформации внешнеполитического курса Японии в период 2020–2026 гг. и определении роли страны как архитектора региональной безопасности.

Методологическую основу работы составили системный подход, принципы политического реализма, методы сравнительного и контент-анализа, а также историко-описательный метод.

Методологическую основу работы составили системный подход, принципы политического реализма, методы сравнительного и контент-анализа, а также историко-описательный метод.

Результаты работы: изучены институциональные основы и теоретическая база внешнеполитической доктрины Японии; проанализирована трансформация японо-американского альянса в контексте концепции «интегрированного сдерживания»; раскрыты приоритеты инициативы «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» (*FOIP)*; выявлены особенности использования цифровой дипломатии и игровой индустрии как эффективных инструментов «мягкой силы» и культурной экспансии.

Рекомендации по внедрению. Материалы исследования могут быть использованы при подготовке аналитических обзоров, разработке учебных курсов по международным отношениям и востоковедению, а также при формировании стратегий внешнеполитического взаимодействия с японскими партнерами.

Теоретическая значимость работы состоит в систематизации подходов к пониманию новой роли Японии как «системного архитектора» безопасности в

Азиатско-Тихоокеанском регионе и оценке потенциала её нормативного влияния.

Прогнозные предположения о развитии объекта исследования. Перспективы развития внешней политики Японии связаны с усилением технологического суверенитета, углублением многостороннего сотрудничества в формате «*QUAD*» и адаптацией механизмов «мягкой силы» к вызовам цифровой эпохи.

Summary

Bachelor's thesis 53 p., 2 chapters, 2 figure, 5 tables, 42 sources.

JAPAN, FOREIGN POLICY, INDO-PACIFIC REGION, PROACTIVE PACIFISM, JAPANESE-AMERICAN ALLIANCE, DIGITAL DIPLOMACY, SOFT POWER, STRATEGIC AUTONOMY, INFRASTRUCTURAL DIPLOMACY

The object of the research is Japan.

The aim of the work is to identify key mechanisms for the transformation of Japan's foreign policy in the period 2020-2026 and to define the country's role as an architect of regional security.

The methodological basis of the work consists of a systematic approach, principles of political realism, methods of comparative and content analysis, as well as a historical and descriptive method.

The methodological basis of the work consists of a systematic approach, principles of political realism, methods of comparative and content analysis, as well as a historical and descriptive method.

The results of the work: the institutional foundations and theoretical basis of Japan's foreign policy doctrine are studied; the transformation of the Japanese-American alliance in the context of the concept of «integrated deterrence» is analyzed; the priorities of the Free and Open Indo-Pacific Region (*FOIP*) initiative are revealed; the features of using digital diplomacy and the gaming industry as effective tools of «soft power» and cultural expansion.

Recommendations for implementation. The research materials can be used in the preparation of analytical reviews, the development of training courses on international relations and Oriental studies, as well as in the formation of strategies for foreign policy cooperation with Japanese partners.

The theoretical significance of the work consists in systematizing approaches to understanding Japan's new role as a «system architect» of security in the Asia-Pacific region and assessing the potential of its regulatory influence.

Forward-looking assumptions about the development of the research object. The prospects for the development of Japan's foreign policy are related to strengthening technological sovereignty, deepening multilateral cooperation in the *QUAD* format, and adapting soft power mechanisms to the challenges of the digital age.

Résumé

Mémoire de licence, 53 p., 2 chapitres, 2 figure, 5 tableaux, 42 références.
JAPON, POLITIQUE ÉTRANGÈRE, RÉGION INDO-PACIFIQUE, PACIFISME PROACTIF, ALLIANCE JAPONO-AMÉRICAINE, DIPLOMATIE NUMÉRIQUE, PUISSANCE DOUCE, AUTONOMIE STRATÉGIQUE, DIPLOMATIE DES INFRASTRUCTURES

Objet de l'étude: Japon.

L'objectif de ce travail est d'identifier les mécanismes clés de la transformation de la politique étrangère du Japon au cours de la période 2020-2026 et de définir le rôle du pays en tant qu'architecte de la sécurité régionale.

Le cadre méthodologique de ce travail repose sur une approche systémique, les principes du réalisme politique, les méthodes d'analyse comparative et d'analyse de contenu, ainsi que la méthode historico-descriptive.

Le cadre méthodologique de ce travail repose sur une approche systémique, les principes du réalisme politique, les méthodes d'analyse comparative et d'analyse de contenu, ainsi que la méthode historico-descriptive.

Résultats de l'étude: les fondements institutionnels et le cadre théorique de la doctrine de politique étrangère du Japon ont été étudiés; la transformation de l'alliance nippo-américaine a été analysée dans le contexte du concept de «dissuasion intégrée» ; les priorités de l'initiative «Une région indo-pacifique libre et ouverte» (FOIP) ont été mises en évidence; les particularités de l'utilisation de la diplomatie numérique et de l'industrie du jeu vidéo en tant qu'outils efficaces de «puissance douce» et d'expansion culturelle ont été identifiées.

Recommandations pour la mise en œuvre. Les résultats de cette étude peuvent être utilisés pour la préparation d'analyses thématiques, l'élaboration de programmes de formation en relations internationales et en études orientales, ainsi que pour l'élaboration de stratégies de coopération en matière de politique étrangère avec les partenaires japonais.

L'intérêt théorique de ce travail réside dans la systématisation des approches visant à comprendre le nouveau rôle du Japon en tant qu'«architecte systémique» de la sécurité dans la région Asie-Pacifique et dans l'évaluation du potentiel de son influence normative.

Hypothèses prospectives concernant l’évolution de l’objet d’étude. Les perspectives d’évolution de la politique étrangère du Japon sont liées au renforcement de la souveraineté technologique, à l’approfondissement de la coopération multilatérale dans le cadre du «*QUAD*» et à l’adaptation des mécanismes de «puissance douce» aux défis de l’ère numérique.

Оглавление

Введение……..……...…….. 3

Глава 1 Теоретический анализ формирования и развития внешней политики Японии в период XX–XXI вв..... 5

1.1 Внешняя политика Японии в исторической ретроспективе…… 5

1.2 Трансформация международного статуса Японии в XX–XXI вв…….. 13

1.3 Концепция «проактивного пацифизма» как идейно-политический базис современного курса Японии…… 22

Глава 2 Япония в многосторонних форматах и ее роль в обеспечении региональной стабильности и международной безопасности…… 29

2.1 Япония в системе многостороннего сотрудничества в АТР……. 29

2.2 Инициатива «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» в стратегии регионального позиционирования Японии……. 36

2.3 Вклад Японии в решение невоенных вызовов и ее деятельность в рамках международных институтов……. 41

Заключение…….. 47

Список использованных источников……..……... 50

Введение

Япония является одним из наиболее влиятельных и экономически развитых государств, определяющих структуру современного миропорядка. Ее особенности заключаются в уникальном сочетании мощного экономического потенциала, технологического лидерства и специфической модели обеспечения национальной безопасности, которая на протяжении десятилетий определялась концепцией пацифизма. Несмотря на длительную зависимость от союза с США в оборонной сфере, в XXI в. Токио демонстрирует стремление к усилению своей геополитической роли и более активному участию в решении как региональных, так и глобальных проблем.

В первой четверти XXI в. внешнеполитический курс Японии претерпевает фундаментальную трансформацию. В условиях эрозии глобальной архитектуры безопасности и обострения геополитического соперничества в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР), Токио переходит от модели «реактивной дипломатии» и пассивного следования курсу США к политике «проактивного пацифизма». К 2026 г. Япония стала не просто союзником Вашингтона, а самостоятельным «нормативным архитектором», формирующим правила игры в сфере региональной безопасности, защиты цепочек поставок полупроводников, регулирования искусственного интеллекта и климатической повестки. Изучение механизмов, с помощью которых Токио удается балансировать между требованиями американского альянса и интересами стран «Глобального Юга», является критически важным для понимания современной архитектуры международных отношений в АТР.

Проблематика внешней политики Японии глубоко проработана в трудах отечественных (Д. В. Стрельцов, В. О. Кистанов, А. Н. Панов, Э. В. Молодякова) и зарубежных исследователей (М. Грин, Р. Сэмюэлс). Вместе с тем, стремительная динамика событий 2025–2026 гг. – институционализация новых форматов безопасности, запуск «Нового плана *FOIP*» и глубокая технологическая интеграция – требует комплексного анализа.

Объект исследования – Япония. Предмет исследования – Япония в системе международных отношений.

Цель работы – анализ роли Японии в современных международных отношениях.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

– проанализировать внешнюю политику Японии в исторической ретроспективе;

– раскрыть трансформацию международного статуса Японии в XX–XXI вв;

– исследовать концепцию «проактивного пацифизма» как идейно-политического базиса современного курса Японии;

– выявить роль Японии в системе многостороннего сотрудничества в АТР;

– рассмотреть инициативу «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» в стратегии регионального позиционирования Японии;

– оценить вклад Японии в решение невоенных вызовов и ее деятельность в рамках международных институтов.

Методологическую основу исследования составляют системный и институциональный подходы, метод сравнительного анализа, а также анализ официальных документов (Белые книги по обороне, «Синяя книга дипломатии» МИД Японии) и экспертных докладов.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования результатов исследования при изучении международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также внешней политики ведущих государств мира.

Глава 1 Теоретический анализ формирования и развития внешней политики Японии в период XX–XXI вв.

1.1 Внешняя политика Японии в исторической ретроспективе

Анализ исторической эволюции внешнеполитического курса Японии представляет собой сложный и многогранный процесс, который не может быть рассмотрен в отрыве от глобальных трансформаций системы международных отношений. Исследование эволюции японского внешнеполитического курса позволяет выявить фундаментальные константы и переменные, определяющие поведение Токио на мировой арене в XXI в. [23, с. 18].

Отправной точкой для анализа современной японской дипломатии традиционно считается глубочайший системный кризис, вызванный поражением во Второй мировой войне. Капитуляция 1945 г. стала для японского общества не просто военным фиаско, а тотальным крахом прежней имперской идентичности, базировавшейся на идее «Великой восточноазиатской сферы сопроцветания» и военном доминировании. Период оккупации (1945–1952 гг.) под руководством главнокомандующего союзными войсками генерала Дугласа Макартура заложил правовые и политические основы, в рамках которых Япония существует по сей день [18, с. 25].

Ключевым нормативным актом, детерминирующим внешнеполитическое пространство Японии, стала Конституция 1947 г. [13]. Особое внимание исследователей неизменно находится в фокусе внимания к ст. 9, в которой провозглашается: «Искренне стремясь к международному миру, основанному на справедливости и порядке, японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы силой или применения силы как средства разрешения международных споров» [13]. Этот беспрецедентный в мировой практике отказ от военного атрибута суверенитета сформировал феномен «государства-пацифиста», чья внешняя политика на десятилетия вперед стала производной от этого ограничения [23, с. 31].

В условиях начавшейся «холодной войны» и биполярного противостояния Япония оказалась перед необходимостью поиска новой стратегии выживания. Первым премьер-министром, сформулировавшим долгосрочный вектор развития страны, стал Сигэру Ёсида. Его подход, ставший фундаментом, сформировавшим последующую траекторию развития политологии как «доктрина Ёсида», базировался на прагматичном расчете: Япония добровольно передавала функции обеспечения своей внешней безопасности США в обмен на возможность сконцентрировать все национальные ресурсы на экономическом строительстве [23, с. 52; 39, с. 34]. Подписание Сан-Францисского мирного договора и одновременно Договора о взаимной безопасности с США в 1951 г. юридически закрепило превращение Японии в ключевого союзника Вашингтона в Азии, создав архитектуру «асимметричного союза» [18, с. 45].

В 1950-е и 1960-е гг. внешняя политика Токио носила выраженный экономикоцентричный характер. Дипломатия служила инструментом для поиска рынков сбыта и доступа к сырьевым ресурсам, необходимым для реализации «японского экономического чуда». Этот период характеризуется так называемым «низким профилем» (*low profile*) в политических вопросах: Япония старалась избегать вовлечения в острые международные конфликты, следуя в фарватере американской политики, но при этом активно развивая экономические связи даже с идеологическими противниками [2, с. 45].

Однако по мере роста экономической мощи – к концу 1960-х гг. Япония стала второй экономикой мира – возник явный дисбаланс между финансовым весом страны и ее политическим влиянием. Внутри страны и за рубежом все чаще звучали вопросы о необходимости приведения политического статуса Японии в соответствие с ее экономическими возможностями. Первые попытки диверсификации курса были предприняты в рамках «доктрины Фукуды» (1977 г.), которая была ориентирована на налаживание партнерских отношений со странами Юго-Восточной Азии, объединенными в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (*ASEAN*) на основе взаимного доверия и «сердечного согласия», а не только на базе торговых преференций [10, с. 58].

Серьезным вызовом для японской дипломатии стал период окончания «холодной войны» и распад биполярной системы. Кризис в Персидском заливе 1990–1991 гг. стал моментом истины для Токио. Несмотря на то, что Япония выделила колоссальную сумму в 13 млрд долл. на нужды коалиции, ее вклад был воспринят международным сообществом как попытка «откупиться», в то время как другие страны рисковали жизнями своих солдат. Этот инцидент породил в японском политическом дискурсе «комплекс Персидского залива» и инициировал острую дискуссию о необходимости расширения участия страны в международных миротворческих операциях [23, с. 185].

В 1990-е гг. Япония начала активно продвигать концепцию «дипломатии вклада в мировое сообщество». Были приняты законы, позволяющие Силам самообороны участвовать в миссиях органу ООН по поддержанию мира (первым опытом стала Камбоджа в 1992 г.) [39, с. 102]. В это же время Токио предпринимает первые системные шаги по реформированию Совета Безопасности ООН, претендуя на роль его постоянного члена [20].

Начало XXI в. ознаменовало собой новый этап в эволюции японского внешнеполитического курса, который был продиктован как внутренними потребностями страны в политической самоидентификации, так и внешними вызовами, связанными с изменением геополитического ландшафта в Восточной Азии. Важнейшим фактором здесь стало усиление Китая и нестабильность на Корейском полуострове, что требовало от Токио более решительных действий и отхода от традиционной «реактивной» дипломатии, когда Япония лишь отвечала на инициативы США или внешние кризисы [7, с. 104; 11, с. 18].

Особое место в этом процессе занимает период премьерства Дзюнъитиро Коидзуми (2001–2006 гг.). Именно в это время Япония начала активно демонстрировать готовность к расширению географии своего военного присутствия в рамках вспомогательных и гуманитарных миссий. Отправка Сил самообороны в Ирак для участия в восстановлении инфраструктуры стала прецедентом, который вызвал широкие дискуссии внутри японского общества о границах применения ст. 9 Конституции [39, с. 112]. Это решение де-факто означало постепенный дрейф от

«абсолютного пацифизма» к «реалистическому пацифизму», где национальные интересы и союзнические обязательства перед Вашингтоном начинают играть определяющую роль [23, с. 196].

В отечественной и зарубежной политической науке вопрос о критериях периодизации послевоенного внешнеполитического курса Японии традиционно выступает предметом оживленных дискуссий. В трудах ведущих исследователей можно выделить несколько ключевых подходов к хронологическому структурированию дипломатической истории Токио [8, с. 12; 23, с. 78].

Первый подход, условно определяемый как персоналистский, базируется на привязке этапов к периодам нахождения у власти конкретных премьер-министров и провозглашению ими авторских внешнеполитических доктрин (например, доктрины Сигэру Ёсида, Такэо Фукуды или Синдзо Абэ). Второй подход, разделяемый многими отечественными авторами, смещает фокус внимания на системно-структурные изменения в архитектуре международных отношений, такие как окончание холодной войны, распад биполярного мира или усиление китайского влияния в начале XXI в. [40, с. 67].

Решению поставленных научно-исследовательских задач в наибольшей степени отвечает комплексный подход, сочетающий в себе элементы системного и историко-генетического анализа. Он позволяет учесть как внутреннюю динамику трансформации государственно-политической системы Японии, так и эволюцию внешних вызовов в Азиатско-Тихоокеанском регионе [23, с. 85]. Переход от одного исторического этапа к другому никогда не носил сугубо одномоментного характера. Напротив, он сопровождался длительным накоплением количественных изменений во внутриполитическом дискурсе и экономической сфере, которые со временем неизбежно перерастали в новое качество внешнеполитического позиционирования страны [11, с. 18].

Для систематизации этих процессов и наглядного сравнения ключевых характеристик каждого периода основные этапы трансформации приоритетов Токио с 1945 г. до начала 2020-х гг. структурированы в таблице 1.

Таблица 1 – Этапы эволюции внешнеполитического курса Японии [составлено автором по: 6; 23, с. 45; 25; 38, с. 112–145; 39, с. 78–92]

Период	Доминирующая доктрина / Премьер-министр	Ключевая логика	Основные инструменты	Ограничения / Статус
1945–1952 гг.	Оккупационный период (Д. Макартур)	Демилитаризация и демократизация под внешним управлением	Конституция 1947 г. (ст. 9), роспуск вооружённых сил	Полная утрата суверенитета во внешней политике
1952–1970-е гг.	Доктрина Ёсида (С. Ёсида, 1948–1954)	Экономическое выживание под «американским зонтиком»	Договор безопасности с США (1951, 1960), Официальная помощь развитию (*ODA*)	Асимметричный союз, «политический карлик»
1970–1980-е гг.	Экономическая дипломатия Доктрина Фукуды (1977)	Диверсификация внешних связей, «сердечное согласие» с АСЕАН	Инвестиции в ЮВА, гуманитарная помощь, нейтралитет в «холодной войне»	Рост экономической мощи при сохранении низкого политического профиля
1990-е гг.	Дипломатия вклада в мировое сообщество	Участие в миротворческих миссиях ООН, реакция на кризис в Персидском заливе	Закон о сотрудничестве с миротворческими операциями (1992), финансовая помощь (13 млрд долл. в 1991 г.)	«Комплекс Персидского залива», дефицит политического признания
2001–2006 гг. (Коидзуми)	Реалистический пацифизм	Расширение географии присутствия Сил самообороны	Отправка Сил самообороны в Ирак (2004), укрепление альянса с США	Усиление внутриполитической дискуссии о пересмотре ст. 9
2012–2020 гг. (Абэ)	Проактивный пацифизм	Активное формирование правил игры, право на коллективную самооборону	Стратегия национальной безопасности (2013), пакет законов 2015 г., концепция *FOIP*	Легитимизация военного присутствия за рубежом, база в Джибути
2021–н.в. (Кисида, Такаити)	Глобальный проактивный пацифизм	Технологическое и экономическое сдерживание, связка Европа–Азия	Приобретение «потенциала ответного удара» (2022), санкции против РФ, Хиросимский процесс по ИИ	Оборонный бюджет 2 % ВВП, роль «моста» между G7 и Глобальным Югом

Систематизированные в таблице 1 данные наглядно демонстрируют, что внешнеполитический курс Японии прошел сложную траекторию развития: от

реактивной дипломатии и тотальной стратегической зависимости от Вашингтона в середине XX в. до постепенного конструирования собственной масштабной макрорегиональной повестки дня в начале XXI в. [23, с. 67]. При этом каждый последующий этап базировался на кумулятивном эффекте предыдущего, где накопленная экономическая мощь последовательно конвертировалась в элементы глобального политического влияния [38, с. 145]. Таким образом, к началу 2020-х гг. Токио подошел в статусе проактивного международного актора, что потребовало коренной перестройки как доктринальных основ оборонной политики, так и внутренних институциональных механизмов выработки внешнеполитических решений [11, с. 22].

Теоретическое осмысление этих процессов в японской политической мысли привело к появлению концепции «нормального государства» (фуцу-но куни), популяризированной политиком Итиро Одзавой. Согласно этой идее, Япония не должна быть ограничена в своих правах как суверенная держава и должна обладать всеми атрибутами влияния, включая полноценные вооруженные силы, способные участвовать в коллективной безопасности. Этот дискурс стал интеллектуальной базой для последующих реформ, направленных на укрепление оборонного потенциала [38, с. 150].

Важным событием в 2000-е гг. стало также укрепление институциональной базы внешней политики. Создание полноценного Министерства обороны в 2007 г. (до этого существовало Управление национальной обороны) символизировало повышение статуса вопросов безопасности в государственной иерархии [39, с. 88]. Параллельно с этим Япония начала активно развивать «ценностную дипломатию». Концепция «Дуги свободы и процветания», предложенная Таро Асо, предполагала формирование партнерских отношений со странами, разделяющими демократические ценности, по периметру евразийского континента. Это был важный шаг к формированию самостоятельной геополитической идентичности, отличной от чисто экономической роли [30, с. 115].

Эволюция внешнеполитического курса Японии также неразрывно связана с процессом преодоления «исторического прошлого» в отношениях с соседями –

Китаем и Южной Кореей. Проблема «женщин для утешения», споры вокруг содержания школьных учебников истории и посещения храма Ясукуни официальными лицами неоднократно становились триггерами дипломатических кризисов [24, с. 90]. Умение балансировать между национальным самосознанием и необходимостью региональной интеграции стало одним из сложнейших вызовов для японских дипломатов в рассматриваемый период.

Таким образом, японская внешняя политика прошла путь от вынужденного пацифизма и полной зависимости от США до попыток формирования многовекторной дипломатии и активного участия в региональных процессах [2, с. 112]. В 2010-х гг. страна подошла с четким пониманием того, что старые модели «доктрины Ёсида» больше не обеспечивают в полной мере национальную безопасность в условиях многополярного мира. Это создало предпосылки для прихода к власти правительства Синдзо Абэ, которое инициировало наиболее радикальную трансформацию роли Японии в современной системе международных отношений.

Особое внимание в анализе эволюции японского курса нужно обратить на трансформацию нормативно-правовой базы, которая выступала своего рода «сдерживающим фактором» для растущих амбиций Токио. Ограничения, наложенные ст. 9 Конституции, на протяжении десятилетий интерпретировались юридическим бюро Кабинета министров крайне жестко. Однако внешние вызовы начала XXI в. потребовали гибкости. Важнейшим шагом стало принятие в 2003–2004 гг. пакета законов о действиях в чрезвычайных ситуациях (*Emergency Legislation*), которые впервые с момента окончания Второй мировой войны четко регламентировали порядок действий государства и Сил самообороны в случае прямой военной угрозы территории Японии. Это законодательство стало фундаментом для перехода от абстрактного пацифизма к «реалистическому обеспечению безопасности», где право на самооборону перестало быть чисто теоретическим конструктом и получило конкретные механизмы реализации [11, с. 20].

Параллельно с этим Япония начала активно использовать площадки международных многосторонних институтов для укрепления своего статуса полноценного и равноправного субъекта международных отношений в рамках политологической концепции так называемой «нормальной державы». Особая роль здесь отводилась «Группе семи» (G7). Для Токио институциональная интеграция в архитектуру в G7 на протяжении десятилетий оставалось единственным форматом, где страна могла на равных участвовать в формировании глобальной повестки дня, не будучи постоянным членом Совет Безопасности ООН. В рамках «Большой семерки» Япония последовательно продвигала концепцию «безопасности человека» (*human security*), которая стала визитной карточкой японской «мягкой силы». Суть этой концепции заключалась в смещении акцента с безопасности государства на безопасность личности, защиту от голода, болезней, стихийных бедствий и нарушений прав человека. Это позволило Токио занять уникальную нишу в международных отношениях: выступать в роли «гражданской державы», которая не претендует на военную гегемонию, но является незаменимым субъектом предоставления Официальной помощи развитию и экспертом в вопросах устойчивого развития [10, с. 62].

Серьезным испытанием для внешнеполитической стратегии Японии стал мировой финансово-экономический кризис 2008 г. Обвал экспортно-ориентированной экономики и временная внутриполитическая нестабильность (период частой смены премьер-министров, известный как «вращающаяся дверь») могли бы привести к самоизоляции страны. Однако на практике кризис лишь подтвердил невозможность следования старым курсом. В 2009 г., с приходом к власти Демократической партии Японии, была предпринята попытка ревизии японо-американских отношений в сторону большей самостоятельности и «равноправия». Проект премьер-министра Юкио Хатоямы по созданию «Восточноазиатского сообщества» (по аналогии с ЕС) свидетельствовал о стремлении части элит диверсифицировать внешние связи и снизить зависимость от Вашингтона [23, с. 218].

Тем не менее, неудача этой инициативы и обострение территориального спора с Китаем вокруг островов Сэнкаку в 2010 г. продемонстрировали, что в условиях жесткой геополитической конкуренции в АТР Япония не может позволить себе дистанцироваться от США [7, с. 108]. Этот исторический урок стал ключевым для последующего возвращения к власти Либерально-демократической партии и формирования новой, гораздо более жесткой и активной внешнеполитической доктрины [17, с. 55].

Таким образом, к концу первого десятилетия XXI в. внешняя политика Японии завершила длительный цикл развития, начатый в 1945 г. От политики «экономического выживания» под «зонтиком» США страна перешла к осознанному поиску инструментов политического влияния. Сложившаяся к этому моменту модель «дуализма», сохранение пацифистской конституции при одновременном наращивании военного потенциала и расширении географии дипломатического присутствия стала основной характеристикой японского курса [11, с. 22]. Все вышеперечисленные исторические этапы подготовили почву для качественного скачка, который произошел в середине 2010-х гг. и окончательно закрепил за Японией роль одного из ключевых архитекторов современной системы международных отношений в Индотихоокеанском регионе.

1.2 Трансформация международного статуса Японии в XX–XXI вв.

Трансформация международного статуса Японии во второй половине XX в. и в начале XXI в. представляет собой один из самых примечательных процессов в истории современных международных отношений. Менее чем за полвека государство сумело пройти путь от тотального военного разгрома, потери суверенитета и разрухи до превращения в одного из главных игроков на мировой арене.

Исходной точкой этой масштабной эволюции стал 1945 г., когда подписание акта о капитуляции зафиксировало крах Японской империи. Период американской оккупации под руководством штаба верховного главнокомандующего союзными

державами (*SCAP*) коренным образом перестроил весь внутренний и внешний контур японской государственности [18, с. 25]. Из субъекта агрессивной экспансии Япония превратилась в объект внешнего управления, потеряв право на ведение самостоятельной внешней политики.

Главным правовым ограничителем, на долгое время определившим специфику японского статуса в мире, стала Конституция 1947 г. [13]. Наложенный ст. 9 запрет на создание сухопутных, морских и военно-воздушных сил, а также отказ от признания права государства на ведение войны лишили Токио классического инструментария великой державы – жесткой военной силы. В результате в международных отношениях возник уникальный прецедент. Япония оказалась крупным, густонаселенным и промышленно развитым государством, которое при этом было юридически лишено возможности защищать себя самостоятельно и проецировать силу вовне [2, с. 34].

Возвращение страны в международное правовое поле происходило в условиях набиравшей обороты холодной войны. Вашингтон, изначально планировавший полную демилитаризацию японских островов, быстро пересмотрел свою стратегию на фоне победы коммунистов в Китае и начала войны на Корейском полуострове [29, с. 47]. В результате в 1951 г. был подписан Сан-Францисский мирный договор, который официально вернул Японии государственный суверенитет. Одновременно с этим Токио подписал первый Договор о безопасности с США, который зафиксировал включение страны в американскую систему стратегического сдерживания в Азии под так называемый «ядерный зонтик» [32].

Именно в этот период премьер-министр Сигэру Ёсида сформулировал внешнеполитическую доктрину, которая на несколько десятилетий определила вектор развития страны. Ее суть сводилась к двум базовым принципам: максимальная концентрация всех ресурсов на экономическом восстановлении и передача вопросов обеспечения национальной безопасности США.

Важным шагом на пути легитимизации нового статуса Японии стало ее вступление в Организацию Объединенных Наций в 1956 г. [20]. Это событие ознаменовало окончательное признание Токио в качестве полноправного и

миролюбивого члена международного сообщества. Тем не менее, на протяжении 1950-х и 1960-х гг. международный статус Японии оставался двойственным. С одной стороны, страна демонстрировала поразительные темпы восстановления хозяйства, но с другой – полностью следовала в фарватере американской внешней политики, за что в советской и китайской историографии того периода ее часто критиковали как зависимого сателлита Вашингтона [2, с. 45].

Период 1970-х гг. принес серьезные изменения в международное положение Японии. Два масштабных мировых нефтяных кризиса (в 1973 г. и 1979 г.) наглядно продемонстрировали уязвимость японской экономической модели, которая практически полностью зависела от импорта иностранных энергоресурсов [4, с. 80]. Эти события заставили Токио диверсифицировать свои внешние связи и перейти к более гибкой и активной дипломатии, особенно на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии.

Важнейшим шагом на азиатском направлении стало выстраивание полноформатных отношений со странами, входящими в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (*ASEAN*). Провозглашенная в 1977 г. премьер-министром Такэо Фукудой доктрина официального курса зафиксировала окончательный отказ Японии от возвращения к роли военной державы и провозгласила курс на построение партнерских связей с соседями на основе взаимного доверия.

Главным практическим инструментом этой политики стала Официальная помощь развитию (*Official Development Assistance*). Предоставляя крупные финансовые средства, льготные кредиты и передовые технологии развивающимся экономикам региона, Токио не просто помогал соседям, но и обеспечивал собственные транснациональные корпорации сырьем и стабильными рынками сбыта. Это позволило Японии постепенно избавиться от имиджа пассивного регионального игрока и прочно закрепить за собой статус ведущей экономической силы в Азии [10, с. 62].

В 1980-е гг. международный вес Японии достиг своего исторического пика. Благодаря мощному технологическому прорыву страна превратилась во вторую экономику мира, а ее общая доля в глобальном валовом внутреннем продукте

приблизилась к 15 % [3, с. 48]. Высокая конкурентоспособность японских товаров даже вызвала затяжные и болезненные торговые трения со стратегическим союзником – США.

В этих условиях правительство во главе с премьер-министром Ясухиро Накасонэ предприняло попытку кардинально пересмотреть традиционные, излишне осторожные подходы к внешней политике. Накасонэ впервые открыто заговорил о необходимости превращения Японии в «глобальное государство» (*global state*), чье влияние должно выходить далеко за рамки сугубо финансовых и торговых вопросов.

Именно в первой половине 1980-х гг. в японский политический дискурс официально вошла стратегическая концепция «всеобъемлющей национальной безопасности» (*comprehensive national security*). Она предполагала, что в современном меняющемся мире защита интересов государства не может сводиться только к банальному наращиванию военной мощи. Безопасность страны должна обеспечиваться через комплексное и скоординированное использование дипломатических, экономических, энергетических и даже продовольственных факторов.

Таким образом, к концу XX в. Япония создала уникальную и крайне эффективную модель позиционирования на мировой арене: не обладая значительным военным потенциалом, страна смогла добиться фактического статуса великой державы за счет своей финансовой, технологической и нормативной привлекательности [38, с. 112]. Однако этот статус исключительно «экономического гиганта» вскоре столкнулся с жесткими вызовами новой геополитической реальности после окончания холодной войны.

Начало 1990-х гг. ознаменовалось распадом биполярной системы международных отношений, что поставило перед японским руководством принципиально новые вызовы. Окончание холодной войны разрушило прежние привычные ориентиры, в рамках которых Токио мог спокойно развивать экономику под защитой Вашингтона [2, с. 88]. Первым и самым болезненным испытанием для обновленного международного статуса страны стал кризис в Персидском заливе в 1990–1991 гг.

Когда началась операция по освобождению Кувейта, союзники ожидали от Японии реального вклада в обеспечение коллективной безопасности. Однако из-за жестких юридических ограничений ст. 9 Конституции правительство не смогло отправить в зону конфликта даже военных медиков [13]. Вместо этого Токио выделил колоссальную финансовую помощь на нужды международной коалиции – в общей сложности 13 млрд долл.

Несмотря на огромные затраты, эта политика обернулась для Японии настоящим дипломатическим провалом. Международное сообщество подвергло Токио резкой критике, дав его действиям обидное название «чековая дипломатия» (*checkbook diplomacy*). Японское руководство обвинили в нежелании рисковать своими гражданами ради защиты общих интересов, а правительство освобожденного Кувейта даже не упомянуло Японию в официальном списке государств, которым выражалась благодарность за помощь.

Этот инцидент вызвал глубокий шок среди японских политических элит и запустил масштабную внутреннюю дискуссию. Стало очевидно, что статус исключительно финансового спонсора не приносит стране реального политического веса и уважения на мировой арене. Именно в этот период известный японский политик Итиро Одзава сформулировал крайне важную концепцию «нормального государства» (*normal country*). Суть этой идеи заключалась в том, что Япония должна наконец избавиться от комплексов послевоенного периода, взять на себя долю международной ответственности и получить все права суверенной державы, включая возможность полноценно участвовать в операциях по поддержанию мира под эгидой Организации Объединенных Наций [23, с. 190].

Первым практическим результатом этих споров стало принятие в 1992 г. специального закона, который позволил японским Силам самообороны впервые отправиться за рубеж для участия в миротворческой миссии ООН в Камбодже [39, с. 102]. Это был важнейший психологический и правовой прорыв, изменивший характер японского присутствия в мире.

Тем не менее, на рубеже веков ситуация вокруг самих японских островов начала стремительно ухудшаться. В 1998 г. КНДР провела испытание

баллистической ракеты, которая пролетела над территорией Японии [15, с. 47], а параллельно с этим начался быстрый рост военной и экономической мощи Китая [7, с. 104]. Эти новые риски заставили Токио окончательно осознать, что старая, излишне медленная и раздробленная система принятия внешнеполитических решений больше не справляется с угрозами XXI в. Стране требовалась коренная внутренняя модернизация государственного аппарата, способная централизовать управление и дать Премьер-министру реальные рычаги для оперативного реагирования на международные кризисы [5, с. 210].

Начало XXI в. потребовало от японского руководства решительных шагов по модернизации всей системы управления внешней политикой. В условиях появления новых вызовов прежняя модель принятия решений, страдавшая от сильной бюрократической раздробленности, стала неэффективной. Различные министерства часто защищали свои узкие ведомственные интересы, что сильно замедляло реакцию Токио на международные кризисы. Чтобы преодолеть этот паралич, в первой половине 2000-х гг. были проведены масштабные административные реформы, направленные на централизацию власти в руках главы правительства и его ближайшего окружения [22, с. 18].

Важным элементом трансформации нормативно-правовой базы государства стало принятие в 2003–2004 гг. пакета законов о действиях в чрезвычайных ситуациях (*Emergency Legislation*). Эти правовые акты впервые после окончания Второй мировой войны со всей четкостью регламентировали порядок действий государственных органов и Сил самообороны в случае возникновения прямой военной угрозы территории страны [39, с. 95]. Таким образом, произошел постепенный переход от абстрактных пацифистских лозунгов к практическому, реалистическому обеспечению национальной безопасности.

Серьезным институциональным изменением на этом пути стало создание в 2007 г. полноценного Министерства обороны, которое сменило существовавшее ранее Управление национальной обороны. Данный шаг наглядно продемонстрировал, что вопросы безопасности заняли принципиально иное, более высокое место в государственной иерархии Японии.

Параключевым направлением Токио стало активное развитие так называемой «ценностной дипломатии». Концепция «Дуги свободы и процветания», предложенная в этот период министром иностранных дел Таро Асо, предполагала выстраивание тесных партнерских связей со странами, разделяющими демократические ценности, по всему периметру евразийского континента. Это позволило Японии заявить о своей самостоятельной геополитической идентичности, которая выходила за рамки прежней исключительно экономической роли.

При этом практическая реализация подобных масштабных концепций была попросту невозможна без коренной перестройки внутренней управленческой вертикали. На протяжении всей второй половины XX в. японская система принятия решений сильно страдала от жесткого соперничества между различными ведомствами. Министерство иностранных дел, Министерство финансов, а также Министерство внешней торговли и промышленности часто вели собственную, изолированную политику, что в политологии получило название «вертикального администрирования» [5, с. 210]. В условиях XXI в., когда экономические, политические и оборонные вызовы в Азиатско-Тихоокеанском регионе стали единым целым, такая разобщенность превратилась в прямую угрозу национальной безопасности. Руководству страны потребовалось создать принципиально новые правовые и организационные механизмы, способные полностью подчинить ведомственные интересы единой государственной стратегии и превратить разрозненные министерства в общую эффективную машину.

Для детального анализа того, как именно устроена современная система координации внешнеполитического курса и какие ведомства играют в ней ключевую роль, основные элементы институциональной структуры государства систематизированы в таблице 2.

Таблица 2 – Институциональная структура принятия внешнеполитических решений в Японии [составлено автором по: 5, с. 210; 18, с. 88; 39, с. 144]

Уровень / Институт	Ключевые функции во внешней политике	Взаимодействие и каналы влияния
Аппарат Премьер-министра (*Kantei*)	- высшее политическое руководство - оперативное принятие стратегических решений	Концентрирует власть, координирует деятельность министерств напрямую через СНБ
Совет национальной безопасности (СНБ)	- определение оборонной и внешней стратегии - межведомственная координация в узком кругу («комитет четырех»)	Разрабатывает Стратегию национальной безопасности, минуя затяжные бюрократические согласования
Министерство иностранных дел (*Gaimusho*)	- дипломатическое обеспечение курса - реализация внешней политики и международные переговоры	Выступает главным исполнителем решений *Kantei*, сохраняет институциональную память
Министерство обороны	- обеспечение военной безопасности - развитие международного военного сотрудничества и совместные учения	Тесно координирует действия с Силами самообороны США в рамках оперативной совместимости альянса
Министерство экономики, торговли и промышленности (*METI*)	- экономическая дипломатия - контроль экспорта технологий и координация помощи развитию	Обеспечивает связь между государством и крупными транснациональными корпорациями
Разведсообщество (*Naicho*)	- поставка независимой закрытой аналитики - мониторинг киберугроз и геополитических рисков	Подчиняется напрямую Премьер-министру, обеспечивая автономность принятия решений
Парламент (Диет)	- законодательный контроль и легитимизация реформ - ратификация договоров	Служит площадкой дебатов с оппозицией по вопросам расширения полномочий Сил самообороны.
Бизнес-лобби (*Keidanren*)	- продвижение интересов крупного капитала - ведение «второго трека» дипломатии	Осуществляет неформальное согласование (*nemawashi*), поддерживает каналы связи при политических кризисах
Аналитические центры (например, *JIIA*)	- интеллектуальное обеспечение курса - разработка долгосрочных геополитических сценариев	Формирует экспертный фон для принятия решений государственными структурами.

Серьезным испытанием для внешнеполитической стратегии Японии и ее международного позиционирования стал мировой финансово-экономический кризис 2008 г. Обвал экспортно-ориентированной модели хозяйства и затяжная внутриполитическая нестабильность – период частой смены глав правительств, вошедший в историю как «вращающаяся дверь», – вполне могли привести к

самоизоляции страны. Однако на практике этот кризис лишь доказал японским элитам невозможность следования прежним пассивным курсом [23, с. 215].

В 2009 г., после многолетнего правления Либерально-демократической партии, к власти в стране пришла оппозиционная Демократическая партия Японии. Новое руководство предприняло смелую попытку пересмотреть характер японо-американских отношений в сторону большей самостоятельности и равноправия. Проект премьер-министра Юкио Хатоямы по созданию «Восточноазиатского сообщества» (по аналогии с Европейским союзом) наглядно свидетельствовал о стремлении части японских политиков диверсифицировать внешние связи и заметно снизить одностороннюю зависимость от Вашингтона [23, с. 218].

Тем не менее, эта масштабная инициатива быстро столкнулась с суровой геополитической реальностью. Неудача проекта Хатоямы и резкое обострение территориального спора с Китаем вокруг островов Сэнкаку в 2010 г. наглядно продемонстрировали Токио, что в условиях жесткой конкуренции в Азиатско-Тихоокеанском регионе страна просто не может позволить себе дистанцироваться от США [7, с. 108]. Этот исторический урок стал ключевым для последующего возвращения к власти Либерально-демократической партии во главе с Синдзо Абэ в конце 2012 г. и начала формирования гораздо более жесткой, реалистичной и активной оборонной доктрины [33, с. 350].

Таким образом, к началу 2020-х гг. внешняя политика Японии полностью завершила длительный цикл эволюции, начатый еще в 1945 г. От стратегии «экономического выживания» под «ядерным зонтиком» США страна окончательно перешла к осознанному поиску эффективных инструментов глобального политического влияния. Сложившаяся к этому моменту модель дуализма – сохранение пацифистских рамок Конституции при одновременном качественном наращивании оборонного потенциала и расширении дипломатического присутствия – стала главной характеристикой современного японского курса.

Все эти глубокие исторические этапы и институциональные реформы подготовили прочную почву для качественного скачка в японской дипломатии.

Модернизация органов управления позволила Токио превратиться в одного из ключевых архитекторов современной системы безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе, что создало идеальные условия для практической реализации новой государственной концепции «проактивного пацифизма».

1.3 Концепция «проактивного пацифизма» как идейно-политический базис современного курса Японии

Современная внешнеполитическая стратегия Японии базируется на концепции «проактивного вклада в дело мира на основе принципа международного сотрудничества» [25], которая в международном политическом дискурсе получила сокращенное название «проактивный пацифизм». Данная доктрина, официально представленная правительством Синдзо Абэ в 2013 г., стала не просто очередным лозунгом, а фундаментальным пересмотром роли страны в глобальной архитектуре безопасности [11, с. 4]. Переход к «проактивности» ознаменовал окончательный отказ от политики пассивного ожидания и реактивного реагирования, которые доминировали в японском внешнеполитическом мышлении на протяжении почти семидесяти лет.

Теоретические корни «проактивного пацифизма» уходят в осознание того факта, что в условиях глобализации и появления трансграничных угроз традиционный «пацифизм в одной стране» более не является эффективным. Японские стратеги пришли к выводу, что мир и стабильность внутри Японии напрямую зависят от стабильности международного порядка в целом. Следовательно, поддержание этого порядка требует от Токио не только финансовых вливаний, но и активного участия в операциях по обеспечению безопасности, правопорядка и стабильности в ключевых регионах мира, прежде всего в Индо-Тихоокеанском регионе [19].

Для наглядного понимания внутренней структуры обновленного внешнеполитического курса Токио, его ключевые компоненты и направления реализации схематично представлены на рисунке 1.

Рисунок 1 – Структурно-логическая схема концепции «проактивного пацифизма» Японии [составлено автором по: 11, с. 6; 25]

Важнейшим документом, закрепившим эту концепцию, стала первая в истории страны «Стратегия национальной безопасности» (2013 г.) [25]. В ней Япония открыто заявила о своем намерении стать «стабилизирующей силой» и активным участником формирования правил игры на международной арене. Это предполагало качественное укрепление Сил самообороны, расширение их функционала и, что важно, создание правовых условий для их применения за пределами традиционных сценариев защиты национальной территории [1, с. 45].

Практическая реализация установок Стратегии национальной безопасности потребовала коренного пересмотра давних финансово-бюджетных табу, которые десятилетиями ограничивали японский оборонный потенциал. С 1976 г. в стране действовало негласное, но строго соблюдавшееся правило, согласно которому военные расходы государства не могли превышать 1 % от валового внутреннего продукта. В рамках доктрины «проактивного пацифизма» правительство Синдзо Абэ начало последовательный отход от этого лимита, обосновывая это тем, что качественная модернизация Сил самообороны невозможна в условиях искусственного бюджетного голода [11, с. 18–20]. Финансирование было переориентировано на закупку передовых американских систем противоракетной

обороны, многоцелевых истребителей пятого поколения и развитие систем раннего предупреждения.

Параллельно с этим серьезную трансформацию претерпел фундаментальный для послевоенной Японии принцип «исключительно оборонительной политики» (*Senshin Boei*). В рамках нового прочтения этого принципа упор начал смещаться с пассивного ожидания удара на создание потенциала эффективного сдерживания. Японские стратегические документы стали открыто оперировать понятиями превентивного реагирования на угрозы в космической и кибернетической сферах, что фактически расширило географические и функциональные рамки применения Сил самообороны [32].

Таким образом, «проактивность» получила конкретное финансовое и материально-техническое выражение, изменив восприятие Японии как исключительно гражданской державы в глазах ключевых региональных игроков.

Кульминацией реализации «проактивного пацифизма» стало принятие в 2015 г. пакета законодательных актов в сфере мира и безопасности. Эти реформы вызвали беспрецедентные по масштабу дискуссии в японском обществе и парламенте. Ключевым нововведением стало законодательное закрепление права на «коллективную самооборону». Согласно новой интерпретации Конституции, Япония получила право применять силу не только в случае прямого нападения на нее саму, но и в ситуации, когда атаке подвергается союзник (прежде всего США), и это представляет «угрозу самому существованию японского государства» [25]. С точки зрения международного права это стало радикальным шагом, который де-факто приблизил военный статус Японии к статусу к общепринятому государственному статусу, несмотря на сохранение формального текста ст. 9 Конституции [38, с. 165].

Для глубокого понимания масштаба произошедших изменений необходимо сопоставить ключевые параметры прежней оборонительной доктрины Японии и обновленного курса. Основные концептуальные различия между классической моделью «пассивного» пацифизма и современной стратегией Японии наглядно систематизированы в таблице 3.

Таблица 3 – Сравнительный анализ моделей послевоенного пацифизма Японии [составлено автором по: 23, с. 245; 38, с. 160]

Критерии сравнения	Пассивный пацифизм (Доктрина Ёсида)	Проактивный пацифизм (Курс Синдзо Абэ)
Главная цель	Экономическое восстановление при минимуме военных расходов	Превращение в активного поставщика безопасности в АТР.
Роль в альянсе с США	Пассивный объект защиты («игрок второго плана»).	Равноправный стратегический партнер, готовый к совместным действиям.
Применение вооруженных сил	Исключительно при прямом нападении на японские острова.	Разрешено право на коллективную самооборону за рубежом.
Геополитический фокус	Минимизация участия в острых международных конфликтах.	Активное формирование архитектуры безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе.

Сравнительные данные, представленные в таблице 3, доказывают, что доктрина «проактивного пацифизма» принципиально меняет внешнеполитический инструментарий страны, запускающий процесс пересмотра ее роли в глобальном масштабе.

Влияние этой концепции на международный статус Японии оказалось двойственным. С одной стороны, западное сообщество во главе с США приветствовало «проактивный пацифизм». Вашингтон, заинтересованный в разделении бремени ответственности за безопасность в Азии, увидел в действиях Токио долгожданное превращение Японии из «пассивного партнера» в полноценного союзника, способного действовать плечом к плечу с американскими войсками. Это позволило Японии занять лидирующие позиции в таких форматах, как *QUAD* (четырехсторонний диалог по безопасности с участием США, Индии и Австралии) [12, с. 92–94], и значительно укрепить свои позиции в рамках G7 [28].

Главным геостратегическим воплощением концепции «проактивного пацифизма» на международной арене стало провозглашение Токио в 2016 г. стратегии «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» *(Free and Open Indo-Pacific – FOIP*) [25; 38, с. 170]. Данная инициатива позволила Японии перехватить интеллектуальное лидерство в формировании широкой региональной повестки дня. Через призму *FOIP* Токио предложил альтернативную модель

развития для стран Азии и Африки, основанную на защите свободы судоходства, верховенстве права, прозрачности и качественной инфраструктурной дипломатии [37]. Это позволило связать вопросы безопасности морских путей с экономическими интересами развивающихся государств.

В рамках этой стратегии Япония сделала ставку на развитие гибких сетевых альянсов, что в современной политической науке принято называть феноменом минилатерализма. Вместо создания жестких военных блоков Япония начала активно выстраивать трехсторонние и четырехсторонние форматы взаимодействия. Помимо центрального союза с США, ключевое значение приобрело стратегическое партнерство с Австралией и Индией, подкрепленное регулярными совместными военно-морскими учениями и соглашениями о взаимном логистическом обеспечении [12, с. 94]. Подобная сетевая дипломатия позволила Японии создать прочный внешний контур поддержки своего обновленного международного статуса, превратив страну в центрального координатора оборонных инициатив в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

С другой стороны, реализация концепции «проактивного пацифизма» вызвала крайне неоднозначную, а зачастую и открыто враждебную реакцию со стороны ближайших соседей Японии в Восточной Азии – прежде всего Китая и Южной Кореи. Пекин официально охарактеризовал японские реформы как «попытку пересмотра итогов Второй мировой войны» и признак «возрождающегося милитаризма». В китайском экспертном дискурсе термин «проактивный пацифизм» часто трактуется как идеологическое прикрытие, за которой скрывается стремление Японии к наращиванию наступательного потенциала и легитимизации военного присутствия в спорных акваториях Восточно-Китайского моря [1, с. 52].

Аналогичная, хотя и менее жесткая критика звучала со стороны Сеула, где историческая память о японской колонизации остается мощным фактором внутренней и внешней политики. Для Южной Кореи любое расширение полномочий японских Сил самообороны, даже под лозунгом «вклада в дело мира», воспринимается через призму потенциальной угрозы региональному балансу сил. Таким образом, Япония столкнулась с серьезным «дипломатическим побочным

эффектом»: стремление усилить свой международный статус в глобальном масштабе привело к временному обострению отношений на региональном уровне, что потребовало от Токио разработки дополнительных механизмов «мягкой» дипломатии и расширения гуманитарного сотрудничества [2, с. 120].

Неотъемлемой частью «проактивного пацифизма» стало усиление внимания к защите морских коммуникаций (*SLOC – Sea Lines of Communication*). Учитывая критическую зависимость японской экономики от импорта энергоресурсов из стран Ближнего Востока, обеспечение безопасности в Малаккском проливе и Аденском заливе стало для Токио приоритетной задачей [4, с. 80; 27]. В рамках этой стратегии Япония не только продолжила участие в международных антипиратских миссиях, но и открыла свою первую зарубежную военную базу в Джибути в 2011 г. (которая значительно расширилась после 2013 г.). Это событие стало символическим рубежом: Япония официально закрепила свое военное присутствие за пределами АТР, что полностью укладывается в логику «проактивного вклада в глобальную стабильность» [11, с. 22].

Важным направлением реализации новой доктрины также стало активное участие в формировании стандартов кибербезопасности и освоения космического пространства. Токио начал позиционировать себя как защитник «свободного, открытого и безопасного киберпространства» [7, с. 36], выступая против попыток цифрового авторитаризма. Это позволило Японии привлечь на свою сторону широкий круг партнеров среди развивающихся стран, предоставляя им технологии и экспертную помощь в обход чисто силовых методов влияния [31, с. 120].

Таким образом, трансформация внешней политики Японии носит системный и необратимый характер. Эволюционировав от вынужденного послевоенного пацифизма через прагматизм «доктрины Ёсида» к современной концепции «проактивного пацифизма», страна сформировала уникальную модель участия в международных отношениях. Эта модель характеризуется попыткой сохранить приверженность мирным идеалам при одновременном наращивании всех инструментов влияния, присущих великой державе.

Институциональные изменения, такие как усиление роли Совета национальной безопасности и Кабинета министров, обеспечили Токио необходимую оперативность и гибкость в принятии решений. В то же время, идеологическое обоснование внешней политики через «проактивный вклад в дело мира» позволило Японии легитимизировать свой выход на глобальную арену безопасности, несмотря на сохраняющиеся внутренние и внешние ограничения. Сформированная в первой четверти XXI в. внешнеполитическая парадигма создала прочный фундамент для реализации национальных интересов Японии.

Глава 2 Япония в многосторонних форматах и ее роль в обеспечении региональной стабильности и международной безопасности

2.1 Япония в системе многостороннего сотрудничества в АТР

АТР в XXI в. представляет собой главное геополитическое и экономическое пространство, в границах которого разворачивается реализация национальных интересов Японии. Динамичное, но одновременно глубоко асимметричное развитие макрорегиона заставило Токио переосмыслить прежние подходы к обеспечению безопасности. Современная японская дипломатия исходит из императива, согласно которому ни одна крупная держава не способна в одиночку гарантировать стабильность в АТР [11, с. 18]. В связи с этим ключевым вектором курса Япония стала принимать активное участие в формировании и модернизации многосторонней региональной архитектуры, способной связать государства общими нормами, правилами и обязательствами.

Исторические корни многостороннего подхода Японии в регионе восходят к «доктрине Фукуды» 1977 г., которая провозгласила отказ Токио от роли сугубо военной силы и провозгласила курс на выстраивание равноправных партнерских отношений с государствами Юго-Восточной Азии на основе взаимного доверия [10, с. 60]. В последующие десятилетия этот подход эволюционировал в системную поддержку институциональной структуры АТР.

В официальных документах Министерства иностранных дел Японии, в частности в Дипломатической синей книге (*Diplomatic Bluebook*), неизменно подчеркивается безальтернативность принципа «центральной роли АСЕАН» (*ASEAN Centrality*) [6; 37]. Токио рассматривает инклюзивные форматы, созданные вокруг Ассоциации, – Региональный форум АСЕАН по безопасности (*ARF*), Совещание министров обороны стран АСЕАН с партнерами (*ADMM-Plus*) и Восточноазиатский саммит (*EAS*) – как важнейшие легитимные площадки для ведения многостороннего диалога и снижения градуса межгосударственной напряженности.

Однако на рубеже 2010–2020-х гг. инклюзивная многосторонняя модель АТР столкнулась с системным кризисом, вызванным тектоническими сдвигами в балансе сил. В докладах Японского института международных отношений (*JIIA*) отмечается, что стремительный рост военно-экономического потенциала Китайской Народной Республики и её активизация в акваториях Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей поставили под угрозу устоявшийся региональный порядок.

Ситуация усугубляется перманентной эскалацией ракетно-ядерной программы КНДР, чьи испытания напрямую нарушают резолюции Совета Безопасности ООН и создают непосредственную физическую угрозу японскому архипелагу [15, с. 47]. Традиционные институты, функционирующие на основе консенсуса, зачастую оказываются неспособными оперативно реагировать на подобные жесткие вызовы в сфере безопасности.

В этих условиях Япония приступила к диверсификации своего участия в региональной архитектуре, начав выстраивать многоуровневую систему сотрудничества. Для наглядного анализа того, как именно Япония структурирует свои подходы к различным уровням многосторонности в АТР на современном этапе, основные параметры этой стратегии систематизированы в таблице 4.

Таблица 4 – Структура многосторонней дипломатии Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе [составлено автором по: 6; 10, с. 62; 37]

Уровень интеграции	Ключевые институты и форматы	Стратегические приоритеты Японии
Общерегиональный (инклюзивный)	АСЕАН (*ARF*, *EAS*), *APEC* (АТЭС)	Поддержание «центральности АСЕАН», развитие экономической дипломатии и институционального доверия
Субрегиональный (минилатеральный)	*QUAD* (Япония, США, Австралия, Индия), форматы «троек».	Защита морских коммуникаций (*SLOC*), создание оборонных сетей сдерживания и обмена данными
Двусторонний (базовый анкор	Японо-американский военно-политический союз (*Nichibei Anpo*)	Обеспечение расширенного ядерного сдерживания,оперативная совместимость вооруженных сил.

Можно сделать вывод, что Япония не отказывается от широкого многостороннего сотрудничества, но функционально разделяет его задачи. В то время как институты под эгидой АСЕАН служат для нормативной дипломатии, урегулирования нетрадиционных угроз (пиратство, экология) и гуманитарных миссий, реальное обеспечение жесткой стабильности переносится Токио на на уровень малых многосторонних альянсов и двусторонний уровни.

Именно в этой комплексной региональной матрице находит свое истинное место японо-американский договор о безопасности 1960 г. В современной японской оборонной мысли, отраженной в Белых книгах по обороне (*Defense of Japan*), двусторонний альянс с Вашингтоном трактуется не как изолированная ось, а как базовый фундамент, «якорь» региональной стабильности, без которого функционирование любых других многосторонних конструкций в АТР было бы невозможным [32; 39, с. 144].

Концепция американского «ядерного зонтика» (*nuclear umbrella*) и расширенного сдерживания (*extended deterrence*) обеспечивает ту необходимую защищенность, опираясь на которую Япония получает возможность выступать в качестве независимого и активного архитектора новых сетевых оборонных форматов в Индо-Тихоокеанском регионе [41].

Развитие субрегионального уровня многосторонней дипломатии Японии в первой четверти XXI в. привело к оформлению феномена минилатерализма. В японской политической науке данный подход рассматривается как наиболее эффективный инструмент компенсации институциональных недостатков классических многосторонних организаций. В условиях, когда широкие региональные диалоговые площадки оказываются парализованными из-за глубоких межгосударственных противоречий, Токио сделал ставку на формирование гибких, узкосоставных партнерств. Эти структуры не требуют сложного бюрократического согласования и объединяют страны, обладающие высокой степенью стратегического доверия и общностью долгосрочных целей.

Флагманским элементом этой сетевой архитектуры стал Четырёхсторонний диалог по безопасности (*QUAD*), объединяющий Японию, США, Австралию и

Индию. Концептуальные основы данного формата были заложены японской дипломатией еще в 2007 г., когда в доктринальной речи премьер-министра Синдзо Абэ в парламенте Индии была сформулирована идея «слияния двух океанов» (Индийского и Тихого) [12, с. 92]. Последующая реанимация формата в 2017 г. и его перевод на уровень регулярных саммитов превратили *QUAD* в центральный координационный механизм по поддержанию открытого и основанного на правилах регионального порядка [35, с. 156]. Особое значение для Токио имеет то, что данный формат позволяет вовлечь Нью-Дели в орбиту многосторонних инициатив в сфере безопасности, связывая западную и восточную части Индо-Тихоокеанского региона в единое стратегическое пространство.

Для наглядного представления того, как именно минилатеральные форматы группируются вокруг базовой оси внешней политики Токио, сетевая структура субрегионального взаимодействия схематично отражена на рисунке 2.

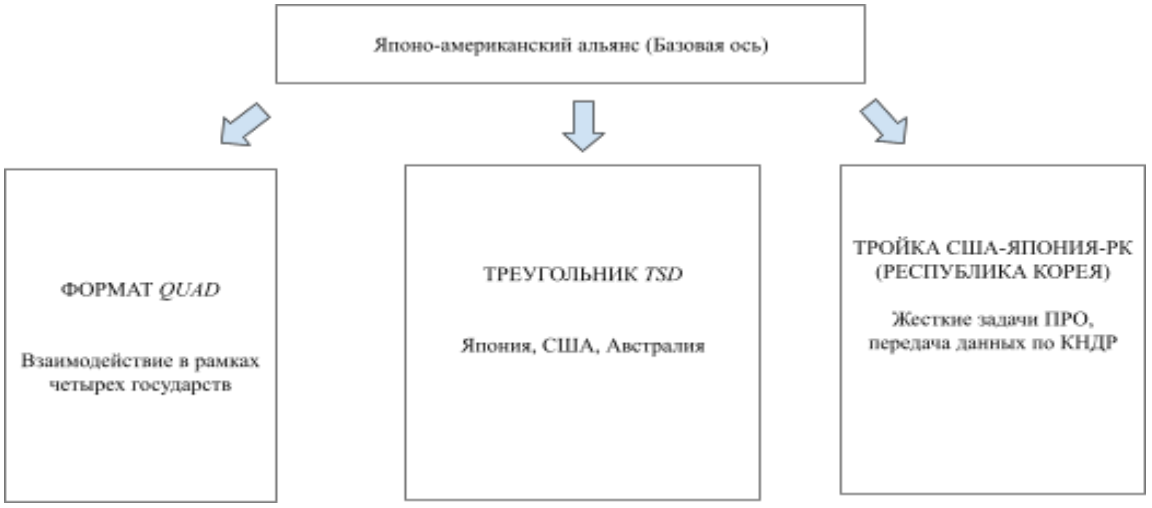

Рисунок 2 – Архитектура субрегионального взаимодействия Японии на основе японо-американского альянса [составлено автором по: 12, с. 9; 35, с. 156]

Для Японии созданная система минилатеральных партнерств имеет ярко выраженный сетевой характер. Помимо четырехстороннего диалога, важнейшую роль играют трехсторонние конфигурации. Трёхсторонний стратегический диалог (*TSD*) по линии Япония–США–Австралия сфокусирован на повышении оперативной

совместимости военно-морских сил и совместном патрулировании ключевых морских торговых путей [12, с. 94]. В свою очередь, треугольник США–Япония–Республика Корея, получивший мощный институциональный импульс после исторического саммита в Кэмп-Дэвиде, ориентирован на жесткие оборонные задачи, включая мониторинг ракетной активности КНДР в режиме реального времени [23, с. 290].

Важной особенностью японского подхода к развитию минилатерализма является отказ от создания жестких военных союзов по типу Организации Североатлантического договора (НАТО). Вместо этого Токио выстраивает систему «мягкого» оборонного сопряжения через подписание двусторонних соглашений о взаимном доступе (*Reciprocal Access Agreement – RAA*). Заключение подобных соглашений с Канберрой и Лондоном позволило существенно упростить процедуры проведения совместных военных учений и логистического обеспечения, де-факто превращая эти государства в ключевых партнеров Японии второго эшелона после США.

Таким образом, сетевая минилатеральная дипломатия позволяет Японии эффективно диверсифицировать риски и распределять бремя ответственности за региональную стабильность. Опираясь на поддержку пула единомышленников, Токио трансформирует свою роль в АТР, переходя от пассивного участия в общерегиональных дискуссиях к активному конструированию контуров стратегического сдерживания.

Практическая реализация созданной Японией многоуровневой сетевой архитектуры наиболее рельефно проявляется в ходе её реагирования на наиболее острые и перманентные кризисы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Ключевыми дестабилизирующими факторами, угрожающими региональному балансу сил, остаются неконтролируемая ракетно-ядерная активность Корейской Народно-Демократической Республики и прогрессирующая эскалация напряженности в Тайваньском проливе. Именно на этих двух направлениях Токио демонстрирует способность оперативно сочетать потенциал двустороннего союза с Вашингтоном с возможностями гибких минилатеральных сетей [41].

В контексте противодействия северокорейской угрозе ключевым достижением японской дипломатии стало качественное углубление трехстороннего формата взаимодействия по линии США–Япония–Республика Корея. Исторический саммит в Кэмп-Дэвиде (август 2023 г.) зафиксировал институционализацию этого треугольника, обязав стороны координировать свои действия в случае возникновения региональных кризисов [23, с. 292]. Практическим выражением этой интеграции стал запуск в декабре 2023 г. и последующая бесперебойная эксплуатация системы обмена данными о пусках северокорейских ракет в режиме реального времени [41].

Данный механизм позволил объединить радарные мощности Сил самообороны Японии, американских войск в Японии и вооруженных сил Южной Кореи в единый контур. Это существенно повысило точность перехвата и скорость раннего предупреждения в условиях испытаний Пхеньяном баллистических ракет на твердом топливе и гиперзвуковых технологий. Проведение регулярных многосферных учений «Фридом Эдж» (*Freedom Edge*) закрепило оперативную совместимость трех государств не только на море и в воздухе, но также в киберпространстве и космической сфере, превратив трехсторонний минилатеральный формат в главный фактор сдерживания в субрегионе Северо-Восточной Азии [41].

Не менее тектонические сдвиги произошли в подходах Токио к обеспечению стабильности в Тайваньском проливе. В японском стратегическом планировании безопасность Тайваня окончательно перешла из категории сугубо теоретических внешнеполитических проблем в плоскость экзистенциальных угроз национальной безопасности [27]. Данный подход обусловлен критической географической близостью японского архипелага Нансэй (префектура Окинава) к зоне потенциального конфликта. Остров Йонагуни находится менее чем в 110 км от побережья Тайваня, что делает вовлечение Японии в случае силовой эскалации практически неизбежным. Кроме того, через Тайваньский пролив и прилегающие акватории Баши пролегают ключевые морские пути сообщения (*SLOC*),

обеспечивающие бесперебойный импорт в Японию до 90 % энергоресурсов и сырья [4, с. 80].

Для нейтрализации этих рисков Япония задействует комплексную стратегию, сочетающую инструменты международной интернационализации кризиса с мерами жесткого военного сдерживания на местах:

1 Нормативно-дипломатический уровень: Япония выступает главным инициатором включения тезиса о «важности поддержания мира и стабильности в Тайваньском проливе» в итоговые декларации встреч лидеров стран *QUAD*, «Большой семерки» (G7) и двусторонних саммитов со странами Европейского союза [28; 41]. Цель этой активности – вывести тайваньскую проблему из рамок «внутреннего дела КНР» в плоскость коллективной ответственности мирового сообщества за сохранение регионального *status quo*.

2 Военно-стратегический уровень: Министерство обороны Японии осуществляет форсированное укрепление оборонного потенциала своих юго-западных рубежей. На островах Исигаки, Мияко и Амами-Оосима развернуты новые базы Сил самообороны, оснащенные модернизированными береговыми противокорабельными ракетными комплексами «Тип-12» (*Type 12 SSM*) с увеличенной дальностью поражения, а также подразделениями электронной борьбы [27; 32]. Это позволяет Токио создать собственный потенциал воспрещения доступа и блокирования рубежей (*A2/AD*) в Восточно-Китайском море, усложняя для потенциального агрессора планирование любых наступательных операций.

Таким образом, трансформация внешней политики Японии в АТР носит глубоко прикладной и системный характер. Эволюционировав от пассивного изоляционизма послевоенных десятилетий, Япония в первой четверти XXI в. превратился в одного из центральных конструкторов оборонной и нормативной архитектуры макрорегиона. Выстроив разветвленную сеть, где базовый японо-американский альянс гармонично дополняется гибкими минилатеральными форматами (*QUAD*, тройственные союзы) и инклюзивным диалогом с АСЕАН, Япония обеспечила себе статус незаменимого провайдера коллективной безопасности. Данная многоуровневая структура позволяет государству не только

минимизировать риски, исходящие от ракетных программ и территориальных споров, но и эффективно проецировать свое влияние на формирование долгосрочных правил игры во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе.

2.2 Инициатива «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» в стратегии регионального позиционирования Японии

Концептуальное оформление и практическая реализация инициативы «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» (*Free and Open Indo-Pacific – FOIP*) стали главным фактором изменения внешнеполитического позиционирования Японии в первой четверти XXI в. Данная доктрина, впервые официально провозглашенная премьер-министром Синдзо Абэ в 2016 г. на Шестой Токийской международной конференции по развитию Африки (*TICAD VI*) в Найроби, ознаменовала собой тектонический сдвиг в географическом и стратегическом мышлении японских элит [25; 38, с. 170]. Вместо традиционного, более узкого понятия «Азиатско-Тихоокеанский регион» Токио предложил глобальную рамку, объединяющую Тихий и Индийский океаны, а также два континента – Азию и Африку – в единое геополитическое и экономическое пространство.

Региональное позиционирование Японии через призму FOIP претерпело важную терминологическую и содержательную эволюцию. Первоначально инициатива выдвигалась как «стратегия», что несло в себе выраженный оборонный подтекст и воспринималось многими государствами Юго-Восточной Азии как попытка создания антикитайского блока. Чтобы снизить региональную настороженность и привлечь на свою сторону колеблющиеся страны АСЕАН, японская дипломатия проявила гибкость, официально заменив термин «стратегия» на более инклюзивное «видение» (*vision* или *concept*) [37]. Это позволило Токио сместить акцент с жесткого военного противостояния на экономическое сотрудничество, развитие инфраструктуры и защиту общепризнанных норм международного права.

В доктриниальных документах Министерства иностранных дел Японии структура *FOIP* традиционно разделяется на три фундаментальных столпа, каждый из которых выполняет конкретную задачу по укреплению международного авторитета Токио. Для наглядного анализа внутренней логики этой инициативы её ключевые компоненты и их практическое наполнение систематизированы в таблице 5.

Таблица 5 – Многомерное влияние японо-американского альянса на региональные процессы в АТР [составлено автором по: 6; 37]

Название столпа (компонента)	Главная стратегическая цель	Практические инструменты реализации
Продвижение и установление базовых правил	Обеспечение свободы судоходства, торговли и верховенства права в двух океанах.	Политико-дипломатическое давление на международной арене, борьба за сохранение *status quo* в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях
Стремление к экономическому процветанию	Улучшение физической связности (*connectivity*) регионов Азии и Африки.	Финансирование проектов «качественной инфраструктуры» (*Quality Infrastructure*), развитие морских портов и международных транспортных коридоров
Обеспечение мира и стабильности	Наращивание потенциала развивающихся стран по контролю своих морских границ.	Передача патрульных кораблей береговой охране стран АСЕАН и совместные операции по ликвидации последствий стихийных бедствий.

Предоставленные данные показывают, что через инициативу *FOIP* Япония стремится занять позицию главного нормативного лидера в Индо-Тихоокеанском пространстве. Стратегический расчет Токио строится на предоставлении развивающимся странам жизнеспособной альтернативы. Вместо жестких кредитных условий и инфраструктурной зависимости, японская сторона предлагает прозрачную модель взаимодействия, основанную на международных стандартах качества и уважении суверенитета, что существенно повышает привлекательность Японии как надежного и предсказуемого партнера [3, с. 12].

Экономическое измерение инициативы *FOIP* выступает в качестве практического фундамента для реализации геополитических целей Токио.

Центральным элементом здесь стала концепция «инвестиций в качественную инфраструктуру» (*Quality Infrastructure Investment*), продвигаемая Японией на международном уровне [6; 37]. Через этот инструмент японская дипломатия вступила в латентную конкуренцию с китайской глобальной инициативой «Один пояс – один путь».

Основное отличие японского подхода заключается в ставке на прозрачность финансирования, долгосрочную экономическую эффективность проектов, открытость инфраструктуры для всех акторов и, что критически важно, долговую устойчивость стран-реципиентов. Япония предлагает развивающимся государствам альтернативную модель модернизации, не ведущую к потере экономического суверенитета. Практическая реализация этого подхода сфокусирована на развитии так называемой «связности» между ключевыми узлами Индо-Тихоокеанского региона. В фокусе внимания японского финансирования находятся три главных направления:

– физическая связность: Строительство и модернизация критической морской и наземной инфраструктуры. Ключевыми проектами являются Экономический коридор «Восток–Запад» и Южный экономический коридор в Юго-Восточной Азии, включая расширение стратегических портов Сианукви́ль (Камбоджа) и Лаем Чабанг (Таиланд);

– институциональная связность: Унификация таможенных процедур, цифровизация торговых операций и внедрение единых правовых стандартов для облегчения трансграничных потоков товаров и услуг [9].

– человеческая связность: Программы образовательного и технического обмена, подготовка кадров в области управления инфраструктурой и государственного администрирования для стран АСЕАН и Африки.

Военно-политическое наполнение *FOIP* тесно переплетено с развитием упомянутых минилатеральных форматов, где четырехсторонний диалог *QUAD* (Япония, США, Австралия, Индия) выступает в роли главного оперативного ядра концепции. В рамках данного «видения» Япония использует потенциал партнеров

для интернационализации контроля над безопасностью морских коммуникаций (*SLOC*) [35, с. 158].

Ярким примером служит запуск Индо-Тихоокеанского партнерства по повышению осведомленности о морской обстановке (*IPMDA*). Эта инициатива позволяет малым государствам региона в режиме реального времени получать спутниковые данные для отслеживания незаконного промысла, пиратства и подозрительной активности иностранных судов в своих исключительных экономических зонах. В результате Токио позиционирует себя не как военный гегемон, а как незаменимый провайдер технологических решений для защиты суверенитета региональных акторов.

Итак, инициатива *FOIP* позволила Японии выйти за рамки привычного двустороннего позиционирования и предложить макрорегиону комплексную нормативную и экономическую повестку. Сочетая жесткие задачи по сдерживанию потенциальных угроз на море с масштабными инвестициями в инфраструктуру, Токио закрепил за собой статус одного из главных архитекторов и гарантов стабильности в Индо-Тихоокеанском пространстве.

Важнейшим итогом реализации концепции *FOIP* стало то, что она послужила главным доктринальным зонтиком для практического воплощения обновленного внешнеполитического курса Японии – политики «проактивного пацифизма» (*sekkyokuteki heiwashugi*) [25]. Через это видение Япония смогла легитимизировать расширение функций своих Сил самообороны на международной арене, представив его не как милитаризацию, а как необходимый вклад в защиту общерегиональных общественных благ. Патрулирование ключевых морских торговых путей, участие в многонациональных военно-морских учениях и оказание технической помощи береговым охранам третьих стран теперь официально позиционируются как действия по поддержанию стабильности и открытости мирового океанского пространства [38, с. 172].

Глобальный характер инициативы позволил Японии также успешно привлечь к делам Индо-Тихоокеанского региона внерегиональных акторов, прежде всего государства Европейского союза, Великобританию и НАТО [34, с. 110]. Включение

тезисов о поддержке базовых принципов *FOIP* в стратегические доктрины ведущих европейских держав зафиксировало интернационализацию подходов Японии к региональной безопасности и создало сквозную систему взаимных обязательств по сохранению существующего правопорядка [31, с. 118].

Важным этапом концептуального развития инициативы стал так называемый «Новый план для Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», представленный премьер-министром Фумио Кисидой в марте 2023 г. в Нью-Дели. Обновленная стратегия продемонстрировала адаптацию японского внешнеполитического курса к реалиям постковидного мира и обострению геополитической конфронтации. Ключевым доктринальным нововведением стало акцентированное внимание к комплексному взаимодействию с государствами «Глобального Юга» (*Global South*). Расширенная повестка *FOIP* теперь включает в себя не только традиционную безопасность морских путей, но и совместное решение проблем изменения климата, обеспечение продовольственной и энергетической безопасности, а также укрепление систем глобального здравоохранения и киберзащиты [6; 37].

Подобная эволюция инструментария преследует четкую геополитическую цель: предотвратить втягивание развивающихся стран Азии, Тихоокеанского бассейна и Африки в орбиту влияния ревизионистских держав, предлагающих альтернативные, зачастую непрозрачные модели развития [3, с. 14]. Интегрируя насущные социально-экономические потребности «Глобального Юга» в архитектуру *FOIP*, Токио фактически закрепляет за собой уникальный статус главного связующего звена между экономиками «Группы семи» (G7) и развивающимися государствами макрорегиона. Это позволяет Японии не только диверсифицировать свои дипломатические активы, но и формировать более устойчивую, инклюзивную коалицию стран, заинтересованных в поддержании стабильного и основанного на правилах международного порядка.

Таким образом, можно выделить ключевые результаты влияния *FOIP* на международное позиционирование Японии в регионе:

– трансформация роли: государство окончательно перешло от пассивного следования в фарватере американской внешней политики к роли самостоятельного нормативного и концептуального лидера в Азии, способного задавать глобальные правила игры [38, с. 174];

– институциональное сопряжение: базовый двусторонний союз с США был успешно интегрирован в гибкую сетевую структуру минилатеральных форматов (*QUAD*) и многостороннего диалога с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии [12, с. 96];

– диверсификация инструментов: обеспечение национальной и региональной безопасности стало осуществляться не только классическими военными методами, но и через экономические механизмы развития «качественной инфраструктуры» и защиты критических цепочек поставок [3, с. 14].

Соответственно, современная Япония сформировала целостную и гибкую многоуровневую стратегию обеспечения стабильности. Выстроив разветвленную архитектуру, где классический японо-американский альянс гармонично дополняется масштабной инициативой «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» и инклюзивными форматами сотрудничества под эгидой АСЕАН, Токио закрепил за собой статус незаменимого и проактивного провайдера международной безопасности в XXI в.

2.3 Вклад Японии в решение невоенных вызовов и ее деятельность в рамках международных институтов

В условиях комплексной трансформации системы международных отношений в первой четверти XXI в. архитектура безопасности перестала ограничиваться исключительно военно-политическими метриками. Транснациональные невоенные вызовы, такие как изменение климата, уязвимость глобальных цепочек поставок, киберугрозы, неконтролируемое развитие искусственного интеллекта (ИИ) и демографические кризисы, приобрели статус экзистенциальных угроз. Для Японии, обладающей ограниченными ресурсами жесткой силы, именно лидерство в решении

этих глобальных проблем стало главным инструментом конвертации своего экономического и технологического потенциала в международный политический вес [2, с. 78].

Концептуальным фундаментом японского подхода к невоенным вызовам традиционно выступает доктрина «безопасности личности» (*Human Security*), интегрированная во внешнеполитическую стратегию Токио еще в конце XX в. Однако в период 2025–2026 гг. эта концепция претерпела глубокую модернизацию, трансформировавшись в политику стратегической устойчивости [26, с. 132]. Официальная помощь развитию (*Official Development Assistance*, *ODA*), ранее носившая преимущественно гуманитарный характер, была окончательно синхронизирована с целями национальной экономической безопасности [2, с. 80]. В рамках обновленной Хартии *ODA* Япония перенесла фокус с простой финансовой донации на совместное создание ценностей (*co-creation*), инвестируя в цифровую инфраструктуру, укрепление цепочек поставок критических минералов и повышение устойчивости развивающихся стран «Глобального Юга» к макроэкономическим шокам.

Одним из центральных направлений международной деятельности Токио в 2025–2026 гг. стала климатическая дипломатия и экспорт технологий декарбонизации. Осознавая, что азиатские государства не могут позволить себе одномоментный отказ от ископаемого топлива по западному образцу, Япония инициировала создание Азиатского сообщества нулевых выбросов (*Asian Zero Emission Community – AZEC*). В рамках этого многостороннего института, получившего мощный институциональный импульс на саммитах 2025 г, Токио предложил концепцию «Зеленой трансформации» (*Green Transformation*) [3, с. 50].

Суть японского подхода в *AZEC* заключается в продвижении реалистичного энергетического перехода: вместо радикального эмбарго на уголь Япония субсидирует внедрение технологий совместного сжигания аммиака и биомассы на существующих ТЭС в странах АСЕАН, а также инвестирует в создание водородной экономики [4, с. 82]. Выступая в качестве главного технологического спонсора,

Япония через структуры *AZEC* и Азиатского банка развития (*ADB*) формирует новые региональные экологические стандарты, одновременно обеспечивая долгосрочные контракты для своих национальных энергетических корпораций.

Особую роль Япония играет в глобальном управлении рисками, связанными с высокими технологиями. На фоне беспрецедентного развития генеративных нейросетей Токио взял на себя функцию глобального модератора в сфере регулирования искусственного интеллекта. Инициированный Японией в рамках председательства в G7 «Хиросимский процесс по ИИ» (*Hiroshima AI Process*) к 2025–2026 гг. эволюционировал из декларативной рамки в полноценный международный институциональный механизм.

Япония активно продвигает концепцию «Свободного перемещения данных на основе доверия» (*Data Free Flow with Trust – DFFT*), выступая связующим звеном между жестким регуляторным подходом Европейского союза и рыночно-ориентированной моделью США. Создание в Японии Института безопасности ИИ (*AI Safety Institute*) и его тесная интеграция с аналогичными структурами стран G7 и ОЭСР позволило Токио закрепить за собой статус одного из главных разработчиков международных стандартов тестирования и сертификации алгоритмов, защищая демократические институты от угроз дезинформации и кибервмешательства [9].

В сфере институциональной дипломатии Япония последовательно выступает защитником основанного на правилах мультилатерализма. В условиях кризиса Всемирной торговой организации (ВТО) и паралича её Апелляционного органа, японская дипломатия стала ключевым драйвером плюрилатеральных соглашений. В 2025–2026 гг. Токио консолидировал усилия стран-единомышленников по формированию новых правил электронной коммерции (*e-commerce*) и защите интеллектуальной собственности в рамках ВТО, стремясь предотвратить фрагментацию мировой торговли на закрытые блоки.

Неотъемлемым элементом «мягкой силы» и вклада Японии в решение транснациональных проблем выступает её ответ на глобальный демографический вызов. Являясь первым государством мира, вступившим в стадию «суперстареющего

общества» (*super-aging society*), Япония накопила уникальный управленческий и технологический опыт, который к 2025–2026 гг. стал критически востребованным экспортным продуктом [36, с. 428]. На фоне стремительного демографического перехода в КНР, Республике Корея и ряде государств АСЕАН (в частности, в Таиланде и Вьетнаме), Токио позиционирует себя как главного архитектора решений для экономики стареющего населения («серебряной экономики»).

В основу этого подхода легла правительственная доктрина «Общество 5.0» (*Society 5.0*), предполагающая глубокую интеграцию киберфизических систем в повседневную жизнь [25]. Япония активно продвигает на региональных площадках (включая АТЭС и механизмы АСЕАН) свои стандарты в области телемедицины, автономных транспортных систем для удаленных регионов и применения робототехники в сфере ухода за пожилыми людьми. Тем самым Токио формирует новые рынки для своих высокотехнологичных корпораций, одновременно укрепляя социальную устойчивость стран-партнеров и снижая риски макроэкономической дестабилизации в Азиатско-Тихоокеанском регионе, вызванные нехваткой трудовых ресурсов.

В сфере глобального здравоохранения и противодействия биологическим угрозам деятельность Японии приобрела системный характер с учетом опыта преодоления пандемии COVID-19. В 2025–2026 гг. японская дипломатия стала одним из главных финансовых и концептуальных локомотивов реформирования структур Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Основной фокус направлен на реализацию концепции «Всеобщего охвата услугами здравоохранения» (*Universal Health Coverage*, *UHC*) [37]. Через механизмы Официальной помощи развитию (*ODA*) и специализированные фонды ООН Япония инвестирует в создание центров геномного секвенирования и систем раннего эпидемиологического предупреждения в странах Африки и Юго-Восточной Азии. Этот превентивный подход позволяет Токио выстраивать эшелонированную защиту от новых трансграничных пандемий на дальних подступах, обеспечивая бесперебойность собственных производственных цепочек [42].

Традиционным и исторически сильным направлением многосторонней дипломатии Японии остается снижение рисков стихийных бедствий (*Disaster Risk Reduction, DRR*). По мере приближения 2030 г. – контрольного срока реализации Сендайской рамочной программы – Токио активизировал экспорт своих передовых технологий прогнозирования. Использование данных японской спутниковой системы позиционирования *QZSS* («Митибики») и внедрение систем раннего оповещения о цунами и землетрясениях в странах Индо-Тихоокеанского региона превратили Японию в незаменимого донора инфраструктуры безопасности [3, с. 58]. В условиях нарастания климатических аномалий в 2025–2026 гг. этот технологический вклад служит мощным инструментом укрепления политического доверия со стороны малых островных государств Тихого океана, являющихся объектом геополитической конкуренции.

Между тем, магистральным вектором деятельности Японии в глобальных институтах остается борьба за реформирование Организации Объединенных Наций. В условиях глубокого паралича Совета Безопасности ООН, вызванного геополитической поляризацией 2020-х гг. и злоупотреблением правом вето, Токио выступает главным защитником легитимности мультилатерализма. Являясь одним из крупнейших финансовых контрибуторов в бюджет ООН, Япония в рамках «Группы четырех» (G4 – Япония, Германия, Индия, Бразилия) продолжает последовательно продвигать проект расширения состава постоянных и непостоянных членов Совбеза [20].

Параллельно с этим, осознавая сложность немедленного пересмотра Устава ООН, японская дипломатия делает ставку на усиление роли Генеральной Ассамблеи ООН и повышение эффективности миротворческих миссий через инициативы по миростроительству (*Peacebuilding*). Япония активно направляет инженерные подразделения Сил самообороны и гражданских специалистов в зоны постконфликтного восстановления, закрепляя за собой имидж конструктивной державы, ответственной за поддержание «мира, основанного на правилах» [39, с. 102].

Итак, в условиях эрозии традиционного миропорядка и обострения междержавного соперничества в АТР в первой четверти XXI в., Япония окончательно отказалась от модели «реактивной дипломатии» и перешла к проактивному конструированию региональной и глобальной архитектуры безопасности [23, с. 315].

Во-первых, Японии удалось выстроить многоуровневую сетевую структуру сдерживания, в которой прочный японо-американский оборонный альянс интегрирован с гибкими минилатеральными механизмами (такими как *QUAD* и трехсторонние партнерства) и инклюзивным диалогом с АСЕАН. Во-вторых, концепция «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (*FOIP*) стала не просто геополитическим лозунгом, а реально действующим нормативным и инфраструктурным противовесом ревизионистским силам, привлекшим поддержку стран «Глобального Юга» и Европы [3, с. 16]. В-третьих, проактивное участие Японии в решении транснациональных невоенных вызовов – от климатической повестки и регулирования ИИ до экспорта демографических решений и реформы ООН – закрепило за страной уникальный статус «интеллектуального лидера» и системного донора международной стабильности [2, с. 90].

Отдельного внимания заслуживает трансформация японо-российских отношений после 2022 г., когда Токио присоединился к санкционному режиму G7, фактически поставив крест на прежней стратегии «нового подхода» к решению территориальной проблемы [21]. Этот разворот стал одним из наиболее драматичных примеров приоритизации ценностной солидарности с Западом над прагматическими национальными интересами [16, с. 120]

Таким образом, современные подходы Японии к обеспечению комплексной безопасности свидетельствуют о её успешном переходе в ранг глобальной державы нового типа, опирающейся на синергию технологического доминирования, экономического влияния и сетевой дипломатии.

Заключение

Внешняя политика Японии прошла сложный путь от вынужденного послевоенного пацифизма, закрепленного в ст. 9 Конституции 1947 г., до формирования активной наступательной стратегии в XXI в. Долгое время доминировавшая «доктрина Ёсида», ориентированная на экономический рост при минимизации оборонных расходов, исчерпала свой потенциал в условиях окончания «холодной войны» и возникновения новых региональных вызовов. Япония успешно преодолела имидж «экономического гиганта и политического карлика», последовательно расширяя свое участие в международных операциях и укрепляя национальный оборонный потенциал.

За последние два десятилетия в Японии произошла значительная централизация процесса принятия внешнеполитических решений. Усиление роли аппарата Премьер-министра (Кантэй) и создание Совета национальной безопасности позволили Токио оперативно реагировать на глобальные кризисы и проводить более последовательную внешнеполитическую линию. МИД Японии, сохраняя роль ключевого исполнительного органа, сегодня действует в тесной координации со структурами, отвечающими за экономическую и технологическую безопасность, что делает японскую дипломатию многомерным инструментом влияния.

Ключевым идеологическим фундаментом современной Японии стала концепция «проактивного пацифизма». Переход к этой доктрине ознаменовал отказ от пассивного наблюдения за мировыми процессами в пользу активного формирования правил игры. Законодательное закрепление права на коллективную самооборону в 2015 г. и принятие обновленных оборонных стратегий в 2022 г. юридически закрепили статус Японии как полноценного военного союзника США и ответственного регионального лидера. Это позволило стране легитимизировать наращивание военного потенциала, не отказываясь формально от своих мирных обязательств.

В региональном измерении Япония прочно утвердилась в роли основного архитектора архитектуры безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе.

Продвигаемая Токио концепция «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (*FOIP*) стала успешной альтернативой узконаправленным интеграционным проектам других держав. Через развитие многосторонних форматов, таких как *QUAD*, и укрепление связей со странами АСЕАН, Япония создала эффективную систему «сетевой безопасности». Это позволяет стране сдерживать региональные амбиции Китая и минимизировать риски, исходящие от ракетно-ядерной программы КНДР, сохраняя при этом лидирующие позиции в региональной экономике.

Японо-американский альянс остается незыблемым фундаментом внешней политики страны, однако его природа претерпела фундаментальные изменения. Сегодня это не односторонние гарантии безопасности, а равноправное стратегическое партнерство. Трансформация модели «щита и копья» в сторону совместных наступательных возможностей и глубокая интеграция в сфере высоких технологий (полупроводники, кибербезопасность, космос) превратили союз Токио и Вашингтона в главный стабилизирующий фактор в Восточной Азии. При этом Япония демонстрирует растущую автономию, зачастую выступая инициатором новых направлений сотрудничества в рамках альянса.

На глобальном уровне Япония успешно трансформирует свою экономическую мощь в нормативное влияние. Лидерство в G7, активное продвижение реформы ООН и инициативы в области «зеленой» энергетики (водородная стратегия) подтверждают статус страны как «державы-модератора». Особое значение имеет решительная позиция Токио по защите международного права в условиях глобальных кризисов. Крах прежней модели отношений с Российской Федерацией после 2022 г. стал наглядным подтверждением того, что для современной Японии ценностно-ориентированный подход и солидарность с либеральным миропорядком имеют безусловный приоритет над краткосрочными экономическими или территориальными выгодами.

Таким образом, современная Япония представляет собой уникальный тип системообразующего игрока, которая сочетает в себе верность пацифистским идеалам с готовностью жестко отстаивать национальные интересы и международную стабильность. Процесс обретения Японией статуса «полноценного»

государства можно считать практически завершенным: Япония обладает всеми инструментами влияния – от военной мощи и передовых технологий до авторитетной «мягкой силы». В условиях нарастающей турбулентности мировой политики Япония остается одним из немногих акторов, способных предложить конструктивную повестку дня, основанную на синтезе западных демократических ценностей и глубокого понимания специфики восточноазиатского региона.

Список использованных источников

1 Абе С. К новой стране. Токио : Бунгэйсюндзю, 2023. 240 с.

2 Арская Л. П. Япония: эволюция внешней политики в XXI веке. М .: ИМЭМО РАН, 2024. 195 с.

3 Белов А. В. Экономика современной Японии: вызовы и стратегии развития // Японские исследования. 2023. № 4. С. 45–62.

4 Белов А. В. Ресурсный потенциал Японии и вопросы энергетической безопасности // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2024. № 2. С. 77–89.

5 Гришачев С. В. Политическая система Японии: институты и процессы. М. : Аспект Пресс, 2024. 310 с.

6 Дипломатическая синяя книга Японии 2025. URL: https://www.mofa.go.jp (дата обращения: 04.04.2026).

7 Добринская В. В. Проблема Сэнкаку в японо-китайских отношениях // Вестник МГИМО Университета. 2023. № 5. С. 102–115.

8 Япония Ежегодник. Т. 53. / под ред. Д. В. Стрельцова. М. : ИВ РАН. 2025. 412 с.

9 Закон об обеспечении экономической безопасности Японии № 43 от 2022 г. // Официальный сайт Кабинета Министров Японии. URL: https://www.cao.go.jp (дата обращения: 10.04.2026).

10 Казаков О. И. Япония и страны АСЕАН: новые горизонты партнерства // Японские исследования. 2025. № 2. С. 56–71.

11 Кистанов В. О. Япония в АТР: геополитические и экономические аспекты // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 2. С. 15–28.

12 Киреева А. А. Япония и Индия: стратегическое партнерство в Индо-Тихоокеанском регионе // Мировая экономика и международные отношения. 2024. № 8. С. 90–104.

13 Конституция Японии от 3 мая 1947 г. URL: https://japan.kantei.go.jp (дата обращения: 03.04.2026).

14 Кошкин Ц. Б. Территориальный спор между Россией и Японией: состояние и перспективы в новых условиях // Международная жизнь. 2025. № 4. С. 34–42.

15 Кульнева П. В. Проблема «похищенных японцев» во внешней политике Токио // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 1. С. 45–53.

16 Лукин А. В. Россия и Япония: конец «нового подхода»? // Вестник международных организаций. 2026. Т. 21, № 1. С. 110–125.

17 Молодяков В. Э. Внешняя политика Японии: от Синдзо Абэ к Фумио Кисиде. М. : Монография, 2024. 280 с.

18 Панов А. Н. Очерки дипломатии Японии. М. : МГИМО-Университет. 2023. 320 с.

19 Послание Премьер-министра Японии Парламенту о задачах внешней политики. URL: https://www.kantei.go.jp (дата обращения: 12.04.2026).

20 Резолюция Совета Безопасности ООН по вопросу реформирования структуры Совета Безопасности. URL: https://www.un.org/securitycouncil (дата обращения: 06.04.2026).

21 Россия: мониторинг и прогноз отношений с Японией. Май 2026 г. № 3 // Научно-исследовательский институт системного анализа. URL: http://www.niiss.ru (дата обращения: 12.04.2026).

22 Сенаторов А. И. Партийно-политическая система Японии в XXI веке // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 3. С. 12–25.

23 Стрельцов Д. В. Внешнеполитические приоритеты Японии в эпоху турбулентности. М. : Аспект Пресс, 2025. 445 с.

24 Стрельцов Д. В. Национализм в современной Японии: истоки и проявления // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 3. С. 88–102.

25 Стратегия национальной безопасности Японии (от 2022 г.) // Официальный сайт Кабинета министров. URL: https://www.cas.go.jp (дата обращения: 03.04.2026).

26 Тимонина И. Л. Экономическая безопасность Японии: новые законодательные инициативы // Японские исследования. 2024. № 1. С. 120–135.

27 Угрозы безопасности в Восточно-Китайском море. // Официальный сайт Министерства обороны Японии. URL: https://www.mod.go.jp (дата обращения: 07.04.2026).

28 Хиросимское видение ядерного разоружения. Текст коммюнике G7. URL: https://www.g7hiroshima.go.jp (дата обращения: 08.04.2026).

29 Царегородцева Г. И. Место Японии во внешнеполитической стратегии США // Восток. Афро-азиатские общества. 2025. № 1. С. 45–52.

30 Чугров С. В. Японская внешняя политика: в поисках новой идентичности // Мировая экономика и международные отношения. 2025. № 5. С. 112–126.

31 Шугуров М. В. Япония и ЕС: политико-правовые проблемы научно-технологического сотрудничества // Вестник международных организаций. 2022. № 3. С. 112–130.

32 Эволюция японо-американского альянса: Белая книга по обороне 2025 / URL: https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper (дата обращения: 10.04.2026).

33 Эргашев К. Фактор территориального спора в обеспечении безопасности Японии // OJHPL. 2022. № 2. С. 364–371.

34 Akgül-Açıkmeşe S. Japan’s Security Renaissance: EU and Asian Perspectives // The International Spectator. 2024. Vol. 59. № 1. P. 112–130.

35 Auslin M. Asia’s New Geopolitics: The Resurgence of the Indo-Pacific. Stanford: Hoover Institution Press. 2024. 310 p.

36 Bachi R. The population of Japan and demographic crisis. Tokyo. 1974. 428 p.

37 Diplomatic Bluebook 2025: Defending National Interests. Tokyo: MOFA. 2025. / URL: https://www.mofa.go.jp/policy (дата обращения: 25.04.2026).

38 Green M. J. Line of Advantage: Japan's Grand Strategy in the Era of Abe Shizo. New York: Columbia University Press. 2023. 340 p.

39 Hosoya Y. Security Policy in Japan: From Yoshida to Abe and Beyond. Tokyo: JPIC. 2024. 280 p.

40 Inoguchi T. The Evolution of Japan's Foreign Policy. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2023. 415 p.

41 Japan-U.S. Joint Statement: United States-Japan Global Partnership. 2024. / URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room (дата обращения: 20.04.2026).

42 Johnstone C. Japan’s Transformation as a National Security Actor // CSIS Reports. 2025. URL: https://www.csis.org/analysis (дата обращения: 26.04.2026)